

Андрей ШАРЫЙ

В моем (а в вашем?) советском детстве не было фильмов лучше югославских: роскошный черногорец Гойко Митич (в великолепной спортивной форме) в роли Чингачука - Большого Змея и его лучший друг Виннету (француз Пьер Бриссе) поочередно спасали белокурых красоток и напавал разили переодетых в злобных ковбоев гэдэровских статистов. Теперь на просторах, прежде облюбованных режиссерами всего мира для натурсьемок, - совсем другое дело. Гойко Митич перестал сниматься, постарел и уехал в Германию, где у него, говорят, неплохой бизнес. Тоже постаревший, но все еще сохранивший следы индейского величия Пьер Бриссе полгода назад пригнал в Боснию, в места своей киномолодости, не табун мустангов, а конвой с гуманитарной помощью для голодающих детей и стариков. Конвой - увы, у Бриссе не хватило такта отказаться от былой славы - назывался «Виннету».

приехал работать на Балканы. «Черная волна» смешала итальянский неореализм с тревожными настроениями французских «новых левых», а титовский социализм давал самым умным и самым хитрым говорить о том, что наболело, не шепотом и не аллегориями, как у нас, а почти в полный голос и почти прямо в лоб. Но Иосипа Броз все-таки куда больше устраивали индейцы и ковбои.

«Каждое десятилетие истории кино выбрасывало «на киноповерхность какое-нибудь одно государство. Однако сейчас ситуация изменилась: все смешалось в какой-то сплошной всемирный кинороман»

Раз в год Югославия собирала национальный кинобонд на фестивале в адриатическом городе Пула. Командовал парадом, естественно, маршал в белом мундире, занимавший в древнем римском амфитеатре, превращенном в кинозал под открытым небом, почетную ложу. А потом кино кончилось: пульская Арена на пять лет забыла о сценаристах и режиссерах. Однако

«Об истории нельзя говорить в жанре, взятом из журнала мод: что вы скажете о фирме «Бенеттон», продающей майки, рисунки на которых стилизованы под пролитую кровь?»

Параллельно с югославо-немецкими поделками существовало и другое кино, прокатившееся в семидесятых годах по всей Европе своей «черной волной», но у нас известное преимущественно лишь эстетам. В этом кино жили и творили молодые тогда Жика Павлович и Эмир Кустурица, Зора Тадин и Антун Врдоляк. Эти имена вам вряд ли многое скажут, как, впрочем, ничего не говорили и мне до тех пор, пока я не

в 95-м фестивальная традиция возобновилась, на сей раз ограничившись чисто хорватским репертуаром.

Сербских, хорватских, боснийских, македонских режиссеров отличают теперь друг от друга не взгляды на искусство и не приверженность к киношколам - их делит война, национальность и политика. Впрочем, свободнее (и плодотворнее) удается работать как раз аполитичным - прекрасный

экран воюющей страны

Дети подземелья

пример тому продемонстрировал босниец Эмир Кустурица, чья лента «Подземелье» получила в этом году «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. Хотя это только сам Кустурица считает себя гражданином мира - он, белградчанин, молодость проведший в космополитичном (тогда) Сараево, получивший образование в Чехии, давно уже живет в Париже, творит на французские или американские деньги. Большая часть «Подземелья», например, снята в Праге, хотя речь в фильме идет о Белграде. Коллеги по цеху, оказавшиеся по другую сторону баррикад, давно пришли к выводу, что Кустурица работает «во славу Милошевича и сербского нацизма». Сам

тских войск в Любляну и Загреб: народ шумно приветствует нацистские фаланги; а вот оккупанты входят в Белград - улицы города безжизненны. При желании, однако, подобных аллитераций можно отыскать множество и смонтировать их как хочешь - чем, кстати, успешно пользуются обычно сербские, хорватские и боснийские мастера кино, с одинаковой убедительностью выставляя друг друга агрессорами. Но Кустурица взял и вот так прочитал историю: кто может помешать художнику?

Во многом поэтому от нынешнего «югославского» кино (в кавычках потому, что объединяет - вернее, разъединяет теперь оно по крайней мере четыре национальные

«В Голливуде давно уже никого не волнует кино само по себе, важно только, с какой мощью снят фильм и какие деньги на него потрачены»

Кустурица думает по-другому: его баррикады проходят не вдоль новых государственных границ, а над ними. «Подземелье» - трехчасовая (несколько затянутая, на мой взгляд) история просто о войне и просто о людях, а не о балканской войне и не о сербско-хорватском кровопролитии. История трагичная и почти фарсовая: партизаны, во время Второй мировой войны сражавшиеся против фашистов, по воле своего оказавшегося гадом товарища-связника два десятка лет после окончания боев проводят в подземелье. А когда наконец открывается истина - они выходят на свет

школы) и вест неким ароматом подземелья: Кустурица в смысле символики оказался пророком. Что бы и как бы широко ни снимали на Балканах - все возвращается к своему, наболевшему. При этом создается ощущение, что сюжет воле режиссера не подвластен. Скажем, македонец Милчо Манчевски (его фильм «Перед дождем», между прочим, претендовал на неанглоязычного «Оскара», пробившись в финальную пятерку) и не пыгается противиться жизни, считая, вероятно, что дерево все равно будет расти ветвями вверх, а корнями вниз, и никак иначе. Простенько, без лишних мудрствований, без космополитичных выкрутас он рассказывает свою правду о войне и людских страданиях. Вы понимаете, что режиссер снимал как бы против воли, но все равно вынужден верить тому, что видите на экране, - потому что Манчевски хороший профессионал и потому что хлеб свой он заработал честно. А вот получившая «Золотую арена» (главную награду первого хорватского кинофестиваля) лента Зринко Огресты «Опустошенные». В принципе тоже неплохой (правда, слегка «чернушный») фильм об очередном молодом «потерянном поколении», нарочито лишенный всяческого политического содержания. Играют выразительно, оператор мастеровитый, а музыка Ясенко Зоуры (лидер самой популярной загребской рок-группы «Грязный театр») так и вообще прекрасная. Но югославский конфликт - как небо и воздух, без которого жизни не бывает ни у богатых, ни у бедных, ни у несчастных, ни у счастливых. Прозрачный, но прочный перевернутый стакан, внутрь которого запрятана вселенная. Подземелье.

Конечно же, это естественно. Конечно же, это отчасти печально. И уж совершенно точно - по боснийским или черногорским лесам еще не скоро поскачет новый Виннету.

Пула - Загреб

Эмир Кустурица в фильме и о фильмах.

Божий и начинают новую войну, потому что не умеют жить, не сражаясь.

Это сюжет фильма вкратце, но по-другому его, пожалуй, и не перескажешь. В первых, нет занятия глупее, чем рассказывать о том, что нужно смотреть. А во вторых, Кустурица, руководствуясь планетарным мировосприятием, начал свое произведение философскими мыслями на любой вкус, так что думать устанешь. Действий, разговоров и операторских метафор в «Подземелье» столько, что с избытком хватит на три фильма, хотя, вероятно, все-таки не на три «Пальмовые ветви». Другое дело, что на лентах Кустурицы и его бывших югославских соотечественников проставлена кайнова печать политики: хочешь - не хочешь, а здесь они воспринимаются не как явление искусства, а как явление военной природы.

Автор «Подземелья» исповедует нарочитый югославизм, иногда делая вид, что новых реалий как бы не существует. Хотя Кустурица, может быть, и не меренно сам порой проследивает эти реалии. Вот документальные кадры вступления фаши-